

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

УДК 821.511.131"1941/1945"

Т.И. Зайцева, Е.Н. Петрова
Ижевск

ЭХО ВОЙНЫ: УДМУРТСКАЯ ПОЭЗИЯ В 1941–1945 ГОДЫ*

Представлен обзор удмуртской поэзии 1941–1945 гг., выделены ее основные проблемно-тематические аспекты, жанровые разновидности, рассмотрены ведущие структурообразующие начала. Материал вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, писатель-фронтовик, жанр, тема, образ.

Zaitseva T.I., Petrova E.N. War echo: the udmurt poetry in the 1941–1945 years. The review of the Udmurt poetry of 1941–1945 years is presented, its main problem-thematic and genre varieties are highlighted, the leading structure-forming beginnings are considered. For scientific use the material is introduced for the first time.

Key words: *Udmurt poetry, front-line writer, genre, theme, image.*

В годы Великой Отечественной войны многие удмуртские писатели ушли на фронт. В числе первых на призыв времени откликнулись поэты: в первые дни войны с новыми стихами выступили по радио М. Петров (1905–1955), А. Бутолин (1908–1997), Аркаш Багай (1904–1984), И. Дядюков (1896–1955), М. Воронцов (1914–1963),

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006 р_а

Т. Шмаков (1910–1974), Г. Туганов (даты жизни установить не удалось), П. Чайников (1916–1954) и др. Закономерно рождение ярких стихов-призывов, стихов-откликов на текущие события.

В 1941–1942 гг. в периодической печати появляются стихотворные очерки о подвигах героев-земляков. Так, 30 декабря 1941 г. в республиканской газете «Удмурт правда» опубликовано стихотворение «Дан Обухов геройлы!» (Слава герою Обухову!) в авторском переводе Г. Туганова, которое было напечатано во фронтовой газете «За победу!». Стихотворение посвящено подвигу земляка-разведчика Николая Обухова, который, находясь в окружении, уничтожил группу гитлеровцев и вражеские танки. Стремясь воспеть героический подвиг советского человека на войне, поэты и далее, как правило, опирались на конкретные имена и фронтовые события.

В удмуртской военной поэзии прослеживается любопытная тенденция. Например, Т. Шмаков используя напев грузинской песни «Сулико», наложил на эту мелодию строки своего стихотворения «Тонэ витисько» (Жду тебя). К мелодиям популярных песен «Темная ночь», «Вечер на рейде» М. Петров адаптирует свои стихи «Тон кыдэкин» (Ты вдалеке), «Чагыр сяська» (Голубой цветок), «Со жыт» (В тот вечер). Другая тенденция поэтического процесса военных лет – перевод на удмуртский язык песен, получивших широкую известность в стране. И. Гаврилов перевел ставшие классикой военной поэзии песни В. Лебедева-Кумача «Вставай, страна огромная» и «Если завтра война». Полюбившиеся стихи народ сам переделывал в песни, зачастую приспособлявая их к известным мелодиям.

В годы войны в народной среде возникли тысячи как злободневных сатирических, так и лирических частушек. Литература активно обращалась к фольклорным истокам, актуализируя нормативную функцию народного творчества. Многим произведениям тех лет были присущи публицистичность, призывность, намеренная гротесковость образов. Врагов Родины литература представляет в образах чудовищ, примитивных и злых существ. Этот изобразительный прием, заимствованный из арсенала фольклора, активно использовался уже в поэзии периода гражданской войны. Поэты основывались на том, что лежит на поверхности – готовых образах, языковых формулах, прямолинейных характеристиках. В годы Великой Отечественной войны поэты используют наследие фольклора: более всего афоризмы, меткие изречения, остроты, древние формы заклинаний и проклятий. Особенно наглядно это проявляется в стихотворении «Батыр калык вормоз» Г. Туганова.

Тон кылдыгид, урмем фашистской кый,	Ты, фашистская бешеная змея,
Быдэс Европае вир океан,	По всей Европе океан крови пролила,
Нош тод: отчы ужась калык уз вый,	Но знай: ты трудовой народ не потопишь там,
Выёд ачид ик тон, каргам тиран!	Утонеш сам, проклятый враг-тиран*.

[Туганов, 1941, с. 8].

Для стихотворений первых лет войны были характерны некоторая поверхностность, обобщенность, но это компенсировалось романтической эмоциональностью, глубоким лиризмом.

* Здесь и далее, где не указан переводчик, удмуртский текст приводится в дословном переводе автора статьи – Т.З., Е.П.

Постепенно поэтические агитки и призывы уступают место стихотворным посланиям, жанру лирического письма. Популярными в удмуртской литературе становятся стихотворения-обращения к матери, брату, сестре, любимой, друзьям с рассказом о фронтовой жизни. В основе подобного стихотворного послания с фронта – патриотические чувства воина. Т. Шамаков создает стихотворное послание «Кортчинвай»*, в котором лирический герой, тоскуя по родной земле, воссоздает милую сердцу родную деревню у реки с плакучими ивами, с отчим домом, крестьянским полем. Создается обобщающий образ Родины. Стихотворению Т. Шамакова присущи конкретность образов, содержательная простота. Его поэзия военных лет отражает мысль о том, что чувство Родины индивидуально; величие и мощь страны в том, что она состоит из сотен кортчинваев, сообща стоящих на ее защите.

Соку валай, малы дуно выльэм
Вордскем гуртмы – Кортчинваймы;
Валай, малы сокем шулдыр выльэм
Шуре васькись бакча вылмы.
Озы отын улэм вордскем шаер –
Пинал дырмес угён понна...

[Шамаков, 1945, с.12].

И понял я, почему так дорога
Родная деревня – Кортчинвай;
Понял я, почему так прекрасен
Спускающийся к речке огород.
За эти родные края, за молодость
Мы встаем на защиту...

Популярные в молодежной среде стихотворения Филиппа Кедрова (1909–1944) военных лет стали клятвой верности народу, Родине, матери, близким. Стихотворение «Оскы, Родина!» (Родина, верь!), написанное классическим ямбом с традиционными мужскими рифмами, стало хрестоматийным как гимн мужеству, как поэтическая присяга. «Оскы, Родина!» написано 8 февраля 1944 г., отправлено с пометкой «Действующая армия».

Оло куинь уй, оло ньыль уй
Ôм кôлэ ни, вуизтй,
Зурка музьем, пазьське суй,
Вамыштйськом тыл пыртй.

Сьôд убир, каргам убир,
Саптаз Россей музьеммес.
Кôня городьёсмес сутйз,
Быдтйз узыр гуртьёммес.

Сюрсэи калык ошылэмын,
Ыбылэмын соосын.
Ведь со ваньмыз милям визьмын,
Ваньмыз сколме мертчемын

[Кедров, 1946, с.53].

Три или четыре ночи
Не спим уже, не помню,
Дрожит и разрывается земля,
Шагаем сквозь огонь.

Черная нечисть, проклятый дьявол,
Опоганил Российскую землю.
Сколько сжег городов,
Уничтожил богатые наши деревни.

Тысячи людей повешены,
Расстреляны тобой.
Всё это в нашу память,
В наши сердца вонзилось.

В кедровских стихотворных строчках возникает многоликий герой, т.е. обобщенный лирический герой, воплощающий образ воинов-защитников всех времен. К примеру, стихотворение «Фронтысь салам» (Привет с фронта, 1943, Действующая армия):

* *Кортчинвай* – починок, где прошли детские годы поэта.

Оскы, вордскем шаер,	Верь, родимый край,
Оскы, удмурт калык,	Верь, удмуртский народ,
Ас будэтэм, вордэм	Сыну-герою, которого
Герой нылпиедлы.	Сам родил и взрастил.

[Кедров, 1959, с. 83].

Для письма к матери, тяжело переживающей гибель старшего сына, поэт находит теплые, душевные слова. Речь идет об особо полюбившемся читателю стихотворении Ф. Кедрова «Мемилы» (Матери, 1943), отправленном в одно из республиканских изданий с пометкой «Действующая армия». Автор обращается к народной традиции: удмурты в память о родных и близких свято берегут их вещи, предметы, изготовленные ими, особенно – посаженные ими деревья:

Укыргес мбзыкуд пот кыре,	Если сердце сожмется в тоске,
Вамышты каньылла бакчае,	Знаю: тут не поможешь словами.
Отысен мын, мемие, шур дуре,	Ты сходи за деревню к реке,
Пумиськод кык веськрес тополен.	Чтобы встретиться там с тополями.
Бадзымез – агайлэн мергтэмез –	Тот, что выше, кудрявей, стройней,
Туж баблес, агай кадь ик весткрес,	Старший брат посадил, уезжая.
Покчиез – со луоз мынамез –	А другой тополек обо мне
Учки тон, мемие, мбзыкуд.	Пусть напомнит тебе, дорогая.
Быдтомы, мемие, кыйёсты,	Я вернусь. Я сегодня, поверь,
Тйнь соку ик война но быроз.	Бью врагов за себя и за брата,
Агай ке быремын, мон берто,	Чтобы жизнь без страданий, потерь
Улонмы нош крезен жингыртоз.	Снова песнями стала богата.

[Кедров, 1999в, с. 90–91]. [Кедров, 1999б, с. 92]. (Перевод Г. Иванцова)

В поэзии Ф. Кедрова военных лет особое место занимают стихотворные послания. Они проникновенны и глубоко эмоциональны, а с другой стороны, в них проявляется реальное дыхание войны. Так, в жанре письма-стихотворения «До свидания, родная» (1943), написанном на русском языке, поэт клянется:

До свидания, родная!	Перед Родиною долг свой
Снова утро над страной.	Буду честно выполнять.
Знай, сегодня ужоу я	Не отдам им наше завтра,
Снова в бой, горячий бой.	Ни на шаг не отступлю.
Мне не страшен бой с гадюкой –	До последнего дыханья
Бил и стану бить опять!	Буду бить врага в бою.

[Кедров, 1999а, с. 101–102].

К сожалению, талантливый поэт Ф. Кедров остался в памяти потомков как создатель военной поэзии. Он не вернулся с войны. Сын поэта журналист Юрий Кедров во вступительном слове к сборнику «Ваньзэ-а верай...» приводит цитату из награжденного села Новики Витебской области... Его рота, несмотря на огонь вражеских минометов, орудий и пулеметов, первой достигла немецких траншей. Противник потерял много живой силы. В этом тяжелом бою Кедров проявил бесстрашие. Выполнив до конца военную присягу, погиб на поле сражения» [Кедров, 1999, с. 25].

Весть о гибели поэта Филиппа Кедрова больно отозвалась в сердцах коллег-литераторов. Это была вторая большая потеря в рядах писателей республики. В 1942 г. погиб талантливый прозаик Петр Блинов (1913–1942). В память о Ф. Кедрове П. Чайников написал балладу-песню «Капитан Кедров», а после войны М. Петров создал известную поэму «Кыръзан улос» (Песня не умрет), изданную отдельной книгой в 1950 году.

К образцам агитационной лирики можно отнести стихотворения Т. Шмакова «Улмед ке потэ» (Если хочешь жить, 1942) и А. Лужанина «Ви немецез!» (Убей немца!, 1942). Эти стихи, словно поэтические заклинания, наполнены патетической интонацией. Т. Шмаков пишет, что на войне есть только два варианта – победа или смерть. Удмуртские стихотворения звучали в унисон с известными строками К. Симонова «Убей его!» и «Если дорог тебе твой дом», С. Михалкова «Пусть не дрогнет твоя рука».

В русской поэзии образцом распространенного в военные годы жанра лирического письма является знаменитое стихотворение К. Симонова «Жди меня». Среди многих подражаний в советской многонациональной поэзии есть и стихотворение удмуртского автора И. Гаврилова «Возьма, мон берто» (Жди, я вернусь) с подзаголовком «Симоновья» (По Симонову). И. Гаврилов также написал ряд лирических песен, адресованных жене и опубликованных в газете «Советская Удмуртия». Это – «Фронтись гожтэт» (Письмо с фронта) [Гаврилов, 1944д, 29 янв.], «Ку мон берто» (Когда я вернусь) [Игнатий Эль, 1944, 12 авг.], «Вало шурилэн котыраз» (В окрестностях реки Валы) [Гаврилов, 1944б, 3 июня], «Боецлэн кыръзанэз» (Песня бойца) [Гаврилов, 1944а, 19 марта], «Сюрес» (Дорога) [Гаврилов, 1944г, 19 марта]. Проникнутые мыслями о жизни в разлуке, тоской солдата по дому, они основаны на традициях устно-поэтического творчества. Распространенный в удмуртских народных песнях образ дороги, ровной и бесконечной, с посаженными вдоль нее деревьями, поэт как бы связывает с ощущением отдаленности от родины, от родных, любимой. В этих стихах доминируют чувства, связанные с ожиданием скорой победы, а значит – и надеждой на возвращение домой. Дорога – это еще и трудный фронтовой путь, который надо преодолеть:

Шулдыр луоз бертыны	Прекрасно вернуться
Вордскем гуртэ, вормыса,	С победой в родную деревню,
Мусо доры мыныны,	Зайти к милой
Дуно салам вайыса.	С дорогим подарком.
Ой, сюрес, садо сюрес,	Ой, дорога, садовая дорога,
Вуттод, вуттод тон монэ	Приведешь, приведешь ты меня
Мусоелэн городаз,	В город к милой моей,
Пырак тоды капкаяз.	Прямоком к ее белым воротам.
Вань одйг бугрес сюрес	Но одна опасная дорога
Мынам азам табере:	Передо мной теперь:
Снарядьёсын гыркёмын,	Снарядами изрытая,
Минаосын гожмамын.	Минами исчерканная.
Со сюрес – война сюрес,	Эта дорога – войны дорога,
Со вылын шудэ сылэ.	На ней – моя судьба.
Мыйныско мон табере	Иду теперь я по ней
Отй лек тушмон вылэ.	На лютого врага.

[Гаврилов, 1944г, 19 мар.]

Сходными чувствами пронизаны стихотворения С. Широбокова «Гожтэт» (Письмо, 1944), «Сьбд синьёс» (Черные глаза, 1941), М. Петрова «Туннэ нош ик чукана шуныгт тёл...» (Сегодня снова утром теплый ветер..., 1945), «Мбзмон» (Тоска, 1945), Т. Шмакова «Тонэ витисько» (Жду тебя, 1944), «Котьку тонзи» (Всегда с тобой, 1944), М. Горина «Гожтэт» (Письмо, 1944) и др.

Идейно-тематический диапазон художественных произведений «второго» периода Великой Отечественной войны в удмуртской литературе широк. На страницах газеты «Советская Удмуртия» в 1944–1945-е гг. часто печатаются стихотворные послания, лирические письма, поэтические отклики, художественные зарисовки, очерки, баллады. Эволюция удмуртской поэзии во второй половине войны проявляется в более глубоком осмыслении сложной военной действительности, в разнообразии использования выразительных средств. Тенденция к широким обобщениям проявляется и у тех поэтов, в произведениях которых ранее преобладала конкретика в изображении фронтовых событий. В центре не отдельная личность – «я», а коллективный герой – «мы», масса, армия. Это новое чувство общности и единения ярко проявлено в суровом, мужественном и глубоко оптимистичном голосе П. Чайникова. Обратимся к стихотворению «Вормон понна» (Во имя победы), написанному в 1944 г.:

Вормон вуз магэ,	Победа приближается,
Инмын югытоме.	Небо светлеет.
Жоген вормон шунды	Скоро солнце Победы
Кужмо, яркыт пиштоз.	Ярким светом зажжется.
Вормон понна, эшьёс,	За Победу, друзья,
Кужмо ужаломе.	Сильнее за дело возьмемся.
Батыр калык жоген	Скоро народ-богатырь
Лек тушмонэз быдтоз.	Лютого врага одолеет.

[Чайников, 1987, с.123].

Сходный мотив характерен для стихотворений С. Широбокова. Так, в стихотворении «Кышноослы» (Женщинам), включенном в сборник «Ожмаськон лудын» (На поле боя, 1945), поэт прославляет нерушимое единство фронта и тыла, с гордостью говорит о наступлении наших войск. Торжественный тон, обращения, повторы, риторические зачины, восклицания позволяют говорить об использовании поэтом традиций оды. С ощущением приближающейся победы поэзия все больше принимает патетический характер. Стихотворные рассказы «сорок пятого» о трудных фронтовых дорогах включают в себя и думы поэта о родных краях. Гордясь великой освободительной миссией советских солдат, С. Широбоков в стихотворении «Балкан гурезьёсты» (По Балканским горам) пишет:

Мон азам нош пуксё кыдэксь нолэсьёс, –	Перед взором моим – как будто родные леса,
Вордыськи мон кытын но будй.	Где родился и вырос я.
Уката мусоесь, кыдэкин ке соос,	Вдали они еще милей.
Мынысько кадь асьме нолэсты.	И кажется мне, что иду по нашему лесу.

[Широбоков, 1987, с.66].

«Зырдыт кылбурьёс» (Пламенные стихи) – так назвал А. Лужанин статью, посвященную Степану Широбокову, в которой точно определил приемы обращения поэта

к читателю: «Широбоковлэн котькуд кылбурезлэн шор сюлмыз – вордйськем шаерез зырдыт яратон но тушмонлы сугись йыркур. Со мылдыд – али вань советской калыклэн мылдыдыз. Соин чӧш ик Широбоков шедьтэ ас мылдыдызлы тупамонэс яркытэс кыльёс, чӧшатонтьёс, суредьёс» (В основе каждого стихотворения С. Широбокова – горячая любовь к родине и ярко выраженная ненависть к врагу. Этим духом сейчас живет весь советский народ. Чтобы выразить свое внутреннее состояние, поэт использует сравнения, точные образные выражения) [Лужанин, 1944, 6 авг.].

Интернациональный характер борьбы против фашизма особенно ошутим в творчестве М. Петрова. В стихотворении «Вунонтэм эшъёс» (Друзьям, 1945) поэт воспевае дружбу, возникшую на фронте между солдатами разных национальностей:

Казах вал эше, со мыным кырзаляз
Кыръёс кадъ вӧлмыт кырзанъёс.
Кызы кыр быркыт инметй лобалля,
Тӧллэсь ортчыло джигитъёс.

Тазы, бой бере, шутэтскон дыръёсы,
Грузин паймымон ектылиз.
Югыт, толзэ шунытэс уйёсы
Ас шаер сярэсь мадылиз...

Огпол бой дыръя милемыз шур дурысь
Землянка улэ пачкатыз.
Казах зуч пиен поттызы кор улысь,
Ой вала, кудиз зыгыртыз...

Мой друг казах мне песни пел,
Словно целинные просторы.
Как дикий беркут в небе летает,
Так ветер обгоняют джигиты.

А в моменты отдыха между боями
Грузин нас танцами удивлял.
В теплые полнолунные ночи
О родине своей говорил...

Однажды во время боя
Нас землянка задавила у реки.
Нас казах с русским парнем выпасчили из-под бревна,
Не успел понять, кто из них обнял меня...

[Петров, 1959, с.112].

К концу войны стало известным стихотворение молодого поэта-солдата Е. Самсонова «Салют» (1944). Это своеобразный гимн во славу «батыров», которых Родина приветствует двадцатью четырьмя залпами салюта.

Чилектиз кызь ньыль пол, сяськаен
Пужъятса кунмылэсь инбамзэ.
Кызь ньыль пол гудыри гудыртиз
Вераса калыклэсь саламзэ.

[Самсонов, 1944, 29 янв.].

Цветами двадцати четырех салютов
Вышито небо страны.
Двадцать четыре громовых удара
Передали приветствие народа.

Тонко передает переживания солдата-победителя в стихотворении «Солдат бертэ гуртаз» (Солдат возвращается домой) С. Шихарев.

Шудо шулдыр агай юртаз
Солдат бертэ бадзым ожысь.
Быдэ вуэм, вордскем гуртаз
Ой вал ни со ньыль ар чоже.
Усьты, усьты, нэнэе,
Усьты вӧлак капкадэ!

[Шихарев, 1945, 12 авг.].

В счастливый отчий дом
Возвращается с войны солдат.
В родной деревне, где рос и повзрослел,
Четыре долгих года не был он.
Открой, открой, матушка,
Настежь открой ворота!

Традиционный песенный рефрен этого стихотворения интонационно перекликается со стихотворением Д. Майорова «Горд солдат» (Красный солдат), написанным в годы гражданской войны:

Гырлы жингыртэ, валэд воргтэ	Звенят бубенчики, скачет лошадь
Изн выжъям сюрес кузя	По каменной брусчатке.
Туж шумпотыса, дораз бертэ	Радостный, домой возвращается
Пинал пиед сюрес кузя.	По дороге парень молодой.

[Майоров, 1950, с. 42].

Триумф победы, настроение воина-победителя особо глубоко выразил С. Шихарев в стихотворении «Кисьты тон, зоре!» (Лей ты, мой дождь). Образ дождя как всеочищающей силы, дающей жизнь, цветение и надежды на благополучие, традиционен для народного сознания. В стихотворении использован прием олицетворения природы, связанный с поэтикой древних удмуртских магических заклинаний. Автор применяет поэтическую форму, характерную для традиционных удмуртских утренних песен «альб»:

Кисьты тон, зоре,	Лей ты, дождик мой,
Кисьты дурыныз.	Лей ты через край,
Гылты гуждорез,	Ополосни травушку,
Куарез-турынэз!	Омой муравушку.
Кисьты, эн дугды,	Лей без устали,
Пылаты лудэз.	Поливай луга.
Гылты, чошкаты	Грязь в траншеях смой,
Траншейысь нбдэз!	Очисти мрачные окопы,
Шимес окопез,	Золу войны,
Войналэсь пеньэз,	Рытвины от снарядов –
Снаряд нюк-гопез, –	Все омой,
Гылты тон ваньэз.	Все подровняй.
Солэсь но умой	А еще почище
Миськы солдатэз –	Ты умой солдата –
Вирын наштамын	Кровью запекшийся
Шгыкез, прикладэз.	Штык его и приклад.

[Шихарев, 1987, с. 100].

В годы войны в творчестве М. Петрова, А. Лужанина, И. Гаврилова, Т. Шмакова, С. Широбокова, М. Горина утверждается жанр героической баллады, который отвечал задаче яркого и лаконичного изображения героических военных событий. Удмуртские авторы в балладе обращаются к достоверным фактам, называют конкретные имена, места действий. Нередко баллады пишутся от первого лица, что усиливает ощущение достоверности происходящего. Так, в балладе М. Петрова «Уг вунэты...» (Не забуду...) запечатлены последние минуты жизни бойца, смертельно раненного в бою. Следует заметить, что баллада была написана в Латвии в 1944 г., но опубликована после победы в республиканской газете с подзаголовком «Ки вылам кулэм Коноров эшелы сйзисько» (Памяти моего товарища Конорова, умершего на моих руках, посвящая) [Петров, 1945, 21 нояб.]. В балладах М. Петрова изображаются люди мужественные, стойкие.

События войны запечатлены также в балладах Г. Сабитова «Пичи ныл» (Девочка, 1942), И. Гаврилова «Лиза-санитарка» (1943), А. Лужанина «Пунэмэз берыктон» (Месть, 1943), Т. Шмакова «Батыр боец» (Боец-богатырь, 1943), В. Мартынова «Камыш куашетйз» (Камыш шумел, 1944), М. Горина «Кызыпу улын» (Под березой,

1945). В отличие от стихотворных очерков-откликов, баллада требует лаконичности, напряженности действия.

Геронка и высокий драматизм происходящего способствовали появлению в удмуртской поэзии крупной эпической формы – поэмы. В жанре поэмы работали в годы Великой Отечественной войны И. Дядюков, А. Лужанин, С. Ширококов.

Лирический цикл А. Бутолина «Яратон» (Любовь, 1943) в форме писем лирического героя к любимой еще нельзя назвать поэмой, но в нем уже содержатся формальные черты этого лиро-эпического жанра.

С. Ширококов задумал поэму «Вордйськем музъеммы» (Родная земля), часть ее – «Ожмаськон лудын» (На поле боя) – была опубликована в периодике тех лет [Ширококов, 1944, 11 окт.] и в сборнике стихотворений под тем же названием «Ожмаськон лудын» (1945). Впоследствии поэт отошел от первоначального замысла. Важную роль, по-видимому, сыграло то обстоятельство, что С. Ширококов начал работать над другой поэмой – «Кык вынгъс» (Два брата, 1946). Также в тот период он приступил к работе над большим лирическим стихотворением «Россия» (1953). Но и в произведении «Ожмаськон лудын» поэт смог передать ощущение боя очевидца событий. Победоносное наступление советских войск по широкому степному фронту, радостные слезы матерей, встречающих бойцов-освободителей, сменяются в первой части поэмы описанием тяжелого боя. Третья часть поэмы – реквием. Здесь описываются похороны павшего бойца и клятва его брата. Повествование построено от лица лирического героя. Эмоциональный настрой произведения усиливает пейзажное обрамление. Произведение С. Широкова «Ожмаськон лудын» обладает художественной завершенностью и может рассматриваться как самостоятельная поэма.

В 1944 г. в газете «Советская Удмуртия» один из старейших удмуртских поэтов И. Дядюков опубликовал поэму «Пиелэн гоштэтэт» (Письмо моего сына). Пролог – проходы героя в армию – написан в фольклорных традициях и напоминает народную песню. Остальная часть поэмы создана в форме письма героя – молодого воина. Ярко изображается народный обычай прощания – проходы за околицей.

Не все поэмы, созданные удмуртскими авторами в годы войны, стали популярными, но в свое время они имели важное значение. Так, привлекла внимание к себе опубликованная в начале 1945 г. в газете «Советская Удмуртия» поэма А. Лужанина «Зырдаьс сюзэм» (Горячее сердце), рассказывающая о том, как солдатка проводила мужа на фронт и глубоко переживает эту разлуку, не получая вестей от любимого.

Еще один активно развивавшийся в удмуртской литературе военных лет жанр – памфлет. В 1941 г. И. Гаврилов по республиканскому радио прочитал эпиграмму-памфлет «Мае кизид, сое басьтод» (Что посеешь, то и пожнешь), написанную по мотивам известного стихотворения С. Михалкова. И. Дядюков создавал стихотворные памфлеты, близкие к произведениям Демьяна Бедного. А поэт Аркаш Багай сочинял для радио сатирические небыллицы. Главным объектом памфлета как сатирического жанра был, безусловно, фашизм; поэты использовали реальные факты, документы, газетные корреспонденции, конкретные случаи, происходившие на фронте. 16 ноября 1943 г. в республиканской газете «Удмуртская правда» была напечатана эпиграмма-памфлет И. Дядюкова «Другому яму не копать – сам упадешь». В качестве эпиграфа взята цитата из одной фашистской газеты: «Тому, кто нам сопротивляется,

мы отрубает голову». Автор обыгрывает в эпиграмме народное изречение: «Что посеешь, то и пожнешь».

Кроме юмористических и сатирических произведений И. Дядюкова, М. Петрова, И. Гаврилова, В. Широбокова и др. читателям тех лет были хорошо известны фельетоны русского поэта Якова Година в переводах А. Бутолина, Г. Туганова, П. Чайникова. Переводы на удмуртский язык произведений русской сатирической литературы стали школой мастерства для удмуртских авторов.

В 1944 г. в новогоднем номере газеты «Советская Удмуртия» был опубликован памфлет-сказка В. Широбокова «Улйзы-вылйзы» (Жили-были). Автор определяет жанр произведения как сказка-быль. Сказовая интонация усилена рифмами и напоминает «потешные сказки» удмуртского фельетониста 1920-х гг. П. Ускова (Шамардана). В. Широбоков высмеивает фашистов: «Улйзы, кион сямен вузйзы. Сур-вина юйзы, кой парсь сйль сиизы, чылкыт арийской вир сярсы супыльтйзы... (Жили, по-волчьи выли, вино и пиво пили, жирную свинину ели, о чистоте арийской крови пустословили). Он саркастически пишет о крушении иллюзий немецких захватчиков, о русском гостеприимстве – «сущем аде», в который превратился для фашистов Сталинград. Поэт обещает: «Ай та кутсконэз гинэ, азьпалан пуэмэз берьктом юн гинэ» (Это лишь начало, возмездие – впереди, отомстим по полной) [Широбоков, 1944, 1 янв.].

Насыщены юмором рассказы в стихах М. Петрова и И. Гаврилова. Для усиления впечатления достоверности авторы дают подзаголовки: «быль», «рассказ снайпера» и др. Например, «Кык эпъё» (Два друга) М. Петрова – это юмористический рассказ в стихах, где воссоздается сцена проявления солдатской смекалки двумя бойцами, которые взяли в плен вражеского офицера. О смелости и находчивости советских снайперов и недалековидности фашистов пишет И. Гаврилов в стихотворном рассказе «Как фрицы провели пасху», написанном на русском языке [Гаврилов, 1943в, 24 нояб.]. Использование манеры устной сказовой формы, живой язык, сочные народные эпитеты – все это свойственно фронтовой поэзии 1941–1945 гг., которая на новом этапе развития обогатила жанровый состав национальной литературы.

Удмуртская поэзия периода Великой Отечественной войны выполнила, прежде всего, мобилизующую роль, она стремилась раскрыть нравственное превосходство советских людей разных национальностей, воспела подвиг простого человека во имя большой и малой Родины.

Литература

- Гаврилов И.Г. Боещэн кырзанэз // Сов. Удмуртия, 1944а, 19 марта.
 Гаврилов И.Г. Вало шурлэн котыраз // Сов. Удмуртия, 1944б, 3 июня.
 Гаврилов И.Г. Как фрицы провели пасху // Удмурт правда, 1943в, 24 ноябр.
 Гаврилов И.Г. Сюрес // Сов. Удмуртия, 1944г, 19 марта.
 Гаврилов И.Г. Фронтъсь гождэт // Сов. Удмуртия, 1944д, 29 янв.
 Игнатий Эль. Ку мон берто // Сов. Удмуртия, 1944, 12 августа.
 Кедров Ф.Г. До свидания, родная! // Кедров Ф.Г. Ваньзэ-а верай... = Всё ли сказал...: Кылбурьёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999а. – С.101–102.
 Кедров Ф.Г. Матери // Кедров Ф.Г. Ваньзэ-а верай... = Всё ли сказал...: Кылбурьёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999б. – С.91–92.

- Кедров Ф.Г. Мемилы // Кедров Ф.Г. Ваньзз-а верай... = Всё ли сказал...: Кылбурьёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999в. – С.90–91.*
- Кедров Ф.Г. Оскы, Родина // Кедров Ф.Г. Быръем произведениос. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1946. – С.53.*
- Кедров Ф.Г. Фронтгыс салам // Кедров Ф.Г. Быръем произведениос. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1959. – С.83.*
- Кедров Ю.Ф. Отцовские тополя // Кедров Ф.Г. Ваньзз-а верай... = Всё ли сказал...: Кылбурьёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999. – С.15–29.*
- Лужанин А. Зырдыт кылбурьёс // Сов. Удмуртия, 1944, 6 августа.*
- Майоров Д.А. Быръем произведениосыз. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. – С.42*
- Петров М.П. Уг вунзты... // Сов. Удмуртия, 1945, 21 ноября.*
- Петров М.П. Вунонгэм эшгёс // Петров М.П. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Ижевск: Удм. книжн. изд-во, 1959. – С.112.*
- Самсонов Е.В. Салот // Сов. Удмуртия, 1944, 29 янв.*
- Туганов Г. Батыр калык вормоз // Ми вормом! Ижевск, 1941. – С.8.*
- Чайников П.М. Вормон понна // Вормон кизили: Кылбурьёс, балладаос, поэмаос. Устинов: Удмуртия, 1987. – 176 с.*
- Широбоков В.Г. Улызы-выпызы... // Сов. Удмуртия, 1944, 1 января.*
- Широбоков С.П. Балкан гурезьёстй // Вормон кизили: Кылбурьёс, балладаос, поэмаос. Устинов: Удмуртия, 1987. – 176 с.*
- Широбоков С.П. Ожмаськон лудын // Сов. Удмуртия, 1944, 11 октября.*
- Шихарев С.Т. «Кисьты тон, зоре!» // Вормон кизили. Ижевск: Удмуртия, 1987. – С.100.*
- Шихарев С.Т. Солдат бергз гуртаз // Сов. Удмуртия, 1945, 12 августа.*
- Шмаков Т.И. Корчинвай // Мынам пычалз. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1945. – С.11–14.*